

Сергей
Шаргунов

Сергей
Шаргунов

1993

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Виктория Лебедева*

Шаргунов, Сергей Александрович.

Ш25 1993 : роман / Сергей Шаргунов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 568, [8] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-108750-0

Сергей Шаргунов (р. 1980) — прозаик, главный редактор сайта «Свободная пресса», радиоведущий, депутат. Автор биографии В.П.Катаева в серии ЖЗЛ (премия «Большая книга»), романов «Ура!» и «Книга без фотографий» (шорт-лист премии «Национальный бестселлер»), сборника рассказов «Свои».

Роман «1993» — семейная хроника, переплетенная с историческим расследованием.

1993-й — гражданская война в центре Москвы. Время больших надежд и больших потрясений. Он и она по разные стороны баррикад. История одной семьи вдруг оказывается историей всей страны...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108750-0

© Шаргунов С.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Петя вышел на “Октябрьской”.
Когда-то, много лет назад, на Октябрьскую,
тоже на митинг, вышел его дед, и тот вы-
ход, наверно, определил дедову судьбу.

На Большой Якиманке кто-то раздавал листовки,
кто-то белые ленты, кто-то протягивал красные
флаги. Петя протиснулся ближе к железным рамкам,
за которыми, загораживая проход, стояли полицей-
ские.

— Почему не пускаете? — осведомился дородный
мужчина с пружинистой бородкой.

— Ждем команды, — сказала девушка-полицейский,
обмахиваясь металлоискателем.

— Чьей команды? — спросил паренек с камуфляжным
рюкзаком, болтавшимся на плече.

— Главного упыря, — хитро подмигнул приземистый
старичок с седым мхом на круглой голове.

Закапал дождь, Петина клетчатая рубашка прилип-
ла к лопаткам.

Рации у полицейских затрещали — и начали пускать.

...Дождь прекратился, стало очень душно. Петя чув-
ствовал себя восхитительно, ведь их сегодня — много,

тысячи и тысячи. Шли и вразнобой кричали лозунги. Он узнавал их по размеру, ритму, мелодии — их кричали всю зиму, — и сейчас он с удовольствием подхватывал и махал кулаком, коротко, чтобы никого не задеть по затылку или по уху.

Некоторые шли парами. С ним могла бы быть Настя, но вчера на лестничной клетке, когда курили и он позвал, она засмеялась дымом в лицо: “Что я там забыла?” — и сказала, что поедет на дачу, к родителям. “А тебе делать больше нечего?” Минуту спустя она спросила: “Так когда у вас митинг?” — зевая, и он понял, что толком она ничего не слушала.

Они учились в университете печати на втором курсе. Бойкая, блондинистая, с шоколадной родинкой у губы. И как-то зимой... “Ой, сегодня что у нас?” — “Пятница”, — сказал Петя. “Развратница... Идешь куда-нить?” — “Да так... — он замялся, не решаясь сказать, что живет за городом. — А ты?” — “В «Жан-Жак»! — уверенный ответ. — Хочешь вместе? Там у нас туса!”

Кабак на Никитском бульваре, куда они ввалились в стылых сумерках, был переполнен — красный, зеленый, зеркальный, дымный.

Несколько девушек и парней громко обсуждали каких-то задержанных, нечестные выборы, судорожно листали на планшетниках и в телефонах твиттер и фэйсбук, размашисто чертили карандашами по ватману, выясняли, почему вместо площади Революции будет Болотная... Петю давно интересовали митинги, но он знал досадно мало. Он спрашивал, спорил, бумага розовела от винных клякс. Настя хохотала, она ужасно набралась, да и он был хорош. Петя понял, что политика ей не нужна, и для всех за столом она — просто обаятельное украшение. Потом на такси поехали к ней.

Рядом с пупком у нее была такая же родинка, как над губой.

Настя держалась уверенно, бойчила, но его тронула в ней какая-то доверчивая беззащитность. Эта девочка почему-то ассоциировалась со стариной, венчанием... К ее облику подходили фата и свечи... Вблизи она иногда отталкивала напускной вульгарностью, но на расстоянии он ощущал ее тайную хрупкость и даже застенчивость и понимал, что это истинная суть.

Он вошел в ее компанию, и протестная жизнь зацепила его и закрутила. Один раз завлек ее, и она прокляла всё на свете, потому что промерзла, но не могла выбраться из толпы. Ему казалось, что, выходя на улицу, можно что-то изменить, и он знал, почему выходит. Против жестокой несправедливости, которая везде и во всем.

— Ну, так когда у вас... — слово “митинг” она похоронила в щедром зевке.

— Завтра. Шестого, — сообщил Петя твердо.

— А почему шестого?

— Седьмого он въезжает в Кремль.

— Его же всё равно избрали, — и новый зевок. — Зачем тебе это, когда у нас любовь? В жизни любовь же – главное! А вокруг пусть бесятся, как хотят, – она вдруг посерьезнела.

...Идти предстояло всего ничего, но постоянно останавливались и тогда, переводя дух, не кричали.

Вдруг он услышал железный хруст и какой-то птичий вопль и, повернувшись, успел заметить темное, откуда-то сверху пролетевшее тело. Хотел подскочить туда, но толпа держала.

По рядам понеслось:

— Фотограф!

— Ой, там кровь!

- Лестница пожарная!
- Снимал, а перекладина...
- Он повыше лез — снять, что нас много.
- До Кремля два шага, а всё сгнило...

Слышалось веселое и грозное скандирование ни о чем не подозревающих людей, показавшееся ему очень неуместным, как будто кричавшие — малые дети, не подозревающие о смерти.

— Вперед! — налитой мужик в длинной красной футболке поднял картонный плакат так высоко, что у Пети не получалось его прочитать.

— На Кремль! — будто в шутку замычал пацан, натягивая белую маску до глаз.

— Помнишь, зимой мост свободен был? Сами не пошли! — объяснял молодой человек, обнимая девушку.

Слева — тяжелый серый “Ударник”, справа за рекой — кирпичные башни.

Поперек моста впритык стояли оранжевые поливальные машины, а ниже тремя шеренгами, синяя формой, в черных шлемах — омоновцы.

“Нет, в дедушкины времена ОМОН попроще был”, — подумал Петя.

Минуту спустя первые ряды сложились в клин, донеслись неясные, но лихие восклицания. “Садисты!” — решил он, потом понял: “Садимся!” Началась толкучка.

Пробираясь вперед, он узнавал лица сидящих на асфальте. Сергей, похожий на Железного Дровосека, что-то глухим голосом вещал, жилистый, с бритой головой, в черной ветровке и черных очках. Тут был статный матово-бледный красавец-блондин Алексей в голубой рубашке, с неподвижной, как бы приклеенной улыбкой. Над ними, сдобная рука в бок, в безразмерной сырой футболке с полустертым Че Геварой, высился боль-

шой писатель Дмитрий, щурился покрасневшими глазами, довольно утирал усы и кудри, точно бы только из бани.

Тем временем под черно-красными знаменами анархистов что-то зрело: там скандировали: “Наступай!”, и в самом крике был бег.

Колонна двинулась, бодро гикая, а за ней полилась вся застоявшаяся толпа. Сидевшие вскочили.

Омоновцы подобрались.

Омоновец впереди, смутный за забралом, не мог размахнуться и несколько раз ткнул Петю дубинкой в грудь. Петя, зажмурившись, тоже толкнул его ладонью в грудь, в твердую амуницию.

Море народа из раза в раз бросало первые ряды волнами на ОМОН, который чуть отступил, набирая размах, и начал рубиться. В ответ о щиты и шлемы заколотили древки флагов.

— Куда прешь? — боец обнажил красное потное лицо, мокрым ртом заглатывая воздух.

— Отвали! — закричал Петя. — Так надо! — И вдруг почувствовал, что рядом поднажали, продавили...

Они прорвались.

Петя побежал мимо омоновца, тот уже растерянно стоял, другие омоновцы тоже стояли, обтекаемые бегущими, обвеваемые флагами, пытаясь руками сдержать поток.

Навстречу выдвинулась новая шеренга, в которую полетела чья-то бутылка и, звонко разбитая, полыхнула желто-рыжим огнем, цвета Петиных волос. “Победа!” — мысленно закричал он, представив, как толпа расшатывает поливалки на мосту и сбрасывает их в реку, распахивает Боровицкие ворота, врывается в Кремль...

Слева, от “Ударника”, пошло подкрепление ОМОНа... Кулак “космонавта”, невидимого в своем шлеме, бил в чье-то длинное лошадиное лицо... Петю поволокло стремительным отливом...

...Они стояли при заходе на Болотную площадь.

— Ничего, ничего... — бормотал молодой человек в сливочном пиджаке, как бы что-то в уме подсчитывая. — Ничего, отсюда нас не выкурят...

— Уроды! — крикнул подросток с пышным красным платком, повязанным на запястье.

— Человек без сознания... А они... прямо по нему... — прерывисто рассказывала девушка в больших очках с желтой пластмассовой оправой.

— Ничего, — сливочный, подняв над головой, закрутил айфон, как будто это особый прибор, возможно, для измерения атмосферного давления. — Связь блокируют.

— Палатки надо ставить, — мрачно сказал парень в белой майке с изображением серого велосипеда.

Отряд, плотный, как туча, полз на них.

— Мы не уйдем! — заорал светлый пиджак и вдруг, подпрыгнув, швырнул айфон, звякнувший о гляцевитый шлем.

— Не уйдем! — заорал Петя, но сделался необычайно легок и подвижен, ноги сами понесли куда-то в сторону.

Он увидел, как светлый пиджак дубасят и валят. Туча бурлила, захватив и затащив человек пятьдесят. Пропали красный платок, желтые очки, белая майка с серым велосипедом...

Он увидел на том берегу канала нескончаемые вереницы людей — они текли восвояси, но при заходе на мост опять мелькали дубинки и флаги... В воду, сверкнув на солнце, полетели несколько шлемов, издали похожие на черных лягушек.

“Девяносто третий, девяносто третий...” — вдруг поймал он знакомый пароль и подобрался поближе, вслушиваясь в разговор двух мужиков.

— Тогда так же всё и было, но мы наш мост взяли! — говорил, напористо жестикулируя, румяный человек с седыми бакенбардами. — И пошли себе гулять! Мы Москву, считай, взяли! Даже под пулями не ссали! Я тогда студентом был, автомат у мента забрал, потом казачку отдать пришлось.

— Нет, я в девяносто третьем был в другом месте, — отвечал, благожелательно усмехаясь, человек с залысиной и в очочках. — Я баррикаду строил у Моссовета. Лева Пономарев нас на десятки разбил. Он здесь, кстати, Лева. Я до рассвета с прутом железным у костра просидел.

— Ну и чего высидел? — румяный похлопал его по плечу.

— Я за Россию свободную выходил, — острый взгляд поверх стекляшек, — против мятежа вашего...

— Так и я за Россию! Против переворота! Нас Константинов вел, Илья. Запели “Варяга” — и на щиты. Он тоже здесь, я его видел. Постарел, конечно, а борода такая же. Он бороду четвертого октября сбрил, но его всё равно узнали и в тюрьму посадили. Сейчас-то сын у него сидит...

Петя хотел о чем-нибудь спросить, его беспокоили те события, мучило непроясненное прошлое, связанное с дедом, но на площади началось какое-то крикливое оживление.

Он поспешил туда, где дюжина омоновцев стояла стенка на стенку с тремя десятками парней.

— Мудак! — вопил парень с ярко-красным, будто в раздавленной клубнике, лицом, очевидно, кому-то определенному.

Рослый омоновец подался к нему, пробуя ткнуть дубинкой. Кровавый отпрянул, дубинку перехватил накачанная детина в салатовой тенниске и выдернул омоновца на себя. Рывком сорвал с него шлем, отфутболив ногой, и крепко обнял, зажав шею в изгибе локтя.

Омоновец пронзительно завизжал. Белая мышца душила его, вспухая, как тесто.

Бойцы ринулись на выручку, и салатовый пинком вернул им товарища.

Парни бросились врассыпную.

— Умоем блядей? — вопросительно крикнул кто-то, мотая на бегу темной косицей волос.

Петя не сообразил, о чем он, но вот уже несколько парней и этот хвостатый, подскочив к голубой кабине туалета, зашатали ее, толкнули и с грохотом обрушили. Навстречу преследователям полилась вонючая жижа. Увязая берцами, они бежали, разбрызгивая мочу и дерьмо.

Обернувшись, Петя увидел, как омоновец, схватив за шкурку, бросил кого-то в лужу, наступил на спину и начал дубинкой тыкать в голову.

Петя бежал с остатками толпы по изогнутому мостику.

“Запомню! Навсегда! — думал он. Щелкал развязавшийся шнурок, позади тяжело стучали берцы. — На всю жизнь! Запомню!”

Хотелось пить.

В конце мостика их стали хватать и растаскивать в автозаки. Петя сумел ускользнуть и теперь бежал впереди всех в сиреневатых сумерках по мощеному Лаврушинскому переулку.

Он запнулся возле Третьяковской галереи, сел на корточки, втиснулся пяткой в кроссовку. Раскатисто зарычал мотор.

Пролог

Он аккуратно и туго завязал шнурок, когда какой-то предмет больно ткнул его в шею. Это была дубинка.

Он стоял лицом к автозаку, уперевшись ладонями в его горячую, нагретую за день стену.

Охлопав всего, обыскав по карманам и, наконец, отобрав зажигалку, его впахнули туда, где было душно и тесно.

ГЛАВА 1

Всю ночь с 23 на 24 июня 1993 года над Москвой шел сильный дождь, моросило всё утро, и сейчас, в полдень, еще накрапывало. На Дмитровском шоссе в ряд вытянулась четверка троллейбусов. Их держал красный светофор.

Валентина Алексеевна сидела у окна, лбом прижимаясь к стеклу. Она ехала на собрание Белого Братства. В голове без конца играла давняя песенка: “За малинкой в сад пойдем, в сад пойдем, в сад пойдем, плясовую заведем, заведем, заведем!” В тоскливые или зябкие минуты, стараясь согреться или забыться, Валентина Алексеевна вспоминала песни детства. И даже на молитвенных собраниях, когда все пели гимны Марии Дэви, она, растворив голос в общем хоре, тайком пела свое любимое.

Позади бранились сырые пассажиры.

— Лето называется! — вздохнул кто-то.

— И что, я в этом виновата? — откликнулся женский голос.

— Да я вас вообще не трогаю!

— Ну и не трогайте тогда!

— Размечталась!

— О ком? О тебе, что ли?

— Чтоб ты сдохла!

— Только после тебя!

Валентина Алексеевна поежилась: “Злой народ стал”
Машины ловчили, стягиваясь поближе к светофору. Проползла цистерна, желтая, круглая и чумазая, в темных блестящих подтеках. Следом задорно рванул грузовик с синим кузовом. Загудели одновременно два клаксона.

Гулкий удар.

Валентина Алексеевна всматривалась сквозь стекло.

Снаружи хлынуло. Она не могла отвести взгляд. Дзынь-дзынь-дзынь — мелодично и упрямо зазвенела струя в стекло.

Она смотрела и не понимала: светлая влага била, текла, расплывалась, но это не был дождь, нет, это был не дождь.

Укололо сердце, она вскочила. Люди, разом зашумев, толкали ее обратно на сиденье.

Только что грузовик протаранил заднюю стенку цистерны, и это бензин орошал все четыре троллейбуса, беспомощно вытянувшихся друг за дружкой. Струя, сильная и звонкая, хлестала в срединный троллейбус. Прямо в окно, за которым сидела Валентина Алексеевна.

Скользнула пугливая искра. За окнами ослепительно вспыхнуло. Всем стало жарко, и всех объединил крик ужаса — троллейбусы накрыла волна огня.

Валентина Алексеевна умерла от разрыва сердца за миг до того, как пламя охватило ее.

Водитель, молодой парень, вышиб монтировкой лобовое стекло и, выпрыгнув, побежал куда-то. Рога троллейбуса опалило, двери заклинило. Люди выбивали окна.

Бензин залил половину шоссе, и запылала огненная лужа. Кто-то, поскользнувшись, горел и уже не мог вы-